

Артем Хрянин

Женя Колбаскин и
сверхспособности

12+

Артем Валерьевич Хрянин Женя Колбаскин и сверхспособности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618612

SelfPub; 2020

Аннотация

Однажды на Землю падает метеорит. Он является источником неизвестного излучения, которое провоцирует изменения в человеческом организме. Это приводит к появлению у всех людей различных сверхспособностей. У всех, кроме Жени Колбаскина и еще двух ребят из его школы. Теперь их постоянно обзывают «обычными». Они вынуждены объединиться и найти причину своей обычности. Но все ещё больше осложняется, когда они узнают, что Женя скоро помрет. И теперь им надо придумать, как спасти его «обычную» жизнь.

Артем Хрянин

Женя Колбаскин и сверхспособности

Глава 0. Про дурацкий метеорит.

Это случилось два года назад. На нас просто-напросто шлепнулся метеорит. Не, вы не подумайте, что он уничтожил там всю планету и все в таком роде. А я, типа, остался один, и мой единственный друг – это мой кот. И теперь мне надо как-то выживать, так еще и вдобавок с одиночеством диким бороться. Нет. Он был мелкий. Метеорит в смысле. Наверное, с футбольный мяч или около того. При этом шмякнулся он в поле. Там только несколько бедолаг каких-то в палатках спали. Видать, туристы или любители природы. Что они там делали в такую холодрыгу? А фиг их знает. Отдыхали, видимо, от городской суеты или еще от чего. Но вы не волнуйтесь за них, они живы и здоровы. Напугались только вусмерть, конечно. Ну, а кто б не испугался, когда каменище какое-то рядом падает.

Ну, так вот. Плюхнулся, значит, этот метеорит в поле. И знаете что? Как удачно совпало. Нарочно и не придумаешь. Рядом был какой-то научный центр или что-то, типа, того. Ну там дядьки всякие и тётки в белых халатах, штанцах

и все такое. Что-то дико важное они там изучали. В общем, шлепнулся метеорит, а они тут как тут. Подкатили к нему и смотрят на него. Глаза вылупили, ходят по кругу, трогают каменюгу эту и анализы какие-то делают.

– Элемента такого батька наш Менделеев не описал, – говорят.

Во че решили. Чешут они свои затылки ученые, а тут у них датчик начинает пищать. Какой датчик? А я че знаю, что ли? Ну, в общем, запищал он этот их датчик, и показывает, что, типа, излучение какое-то идет. Ученые, конечно, не знают, что это за излучение такое и опять чешут свои почти до лысины протертые затылки.

– Непонятно, – говорят они все вместе. – Что-то тут не то. Нет такого излучения на Земле.

Тож удивили. Ничего на Земле у нас нет.

Но тут один умник говорит такой: «Давайте позвоним другим товарищам ученым, может, у них че узнаем». Остальные смотрят так удивленно на него и говорят:

«Голова, башковитый стажер попался. Не зря Иваныч к нам его закинул».

Короче, позвонили они своим дружбамам из других таких же контор. По всему миру связались, видать. Дело ж серьезное. Ну и те тож говорят, что обнаружили это никому неизвестное излучение. Вот те на, неожиданно, да? Это я вообще к чему? А к тому, что то дурацкое излучение и стало причиной всей этой катавасии.

Глава 1. Безумное утро отвратительного дня.

А для меня все это началось одним октябрьским утром. Проснулся я, значит, как обычно. В семь. Ну, не в семь, конечно. Там, где-то в 7—15 или 7-10. Мне надо было в школу опять топать. Да, а метеорит этот, короче, грохнулся в четвертом часу утра. То есть все в это время спали или ещё чего делали. Батя мой работал, например. Ну так вот, прозвенел будильник у меня на телефоне. Я его выключил, естественно, и опять улегся, и стал в потолок смотреть. Спать было охота зверски. Глаза сами закрывались.

И тут неожиданно дверь распахивается. А я, значит, спал отдельно, а брат с сестрой в другой комнате дрыхли. Ну вот, распахнулась дверь. Пожалуй, распахнулась, это я очень мягко сказал, скорее она, чуть ли не вылетела с петель. Так вот, дверь открылась, и в комнату зашел мой младший брат. Петькой его зовут, заморыш мелкий, в общем. «Заморыш», – говорю. Но он совсем не был похож на заморыша, а наоборот, это я заморышем-то был, по сравнению с ним. От него самого-то осталось только одно лицо. Короче, смотрю я на него, а у меня шары из глаз выкатываются. Я пытаюсь что-то сказать, но язык как будто засох или отсох, не суть. В общем, передо мной не Петька стоял, а горилла какая-то форменная. Честное слово. Руки у него были, как две огромные базуки. Ноги, как два большуших бака. Ну, знае-

те, типа, как из-под бензина. Конечно, я это преувеличиваю, но в тот момент так и подумал. И знаете, чё он мне сказал первым делом?

– Щас я тебе накастыляю! – говорит.

Вот и брат, называется. Хотя, может, я это и заслужил, конечно.

– Петька, че с тобой? – спрашиваю я его не своим голосом, типа, даже писклявым немного.

– А че, не видно? Я теперь сильный, а ты – заморыш! – говорит он, как ни в чем не бывало, как будто так и надо, и легонько пинает по ножке моей кровати. А кровать-то у меня мощная, железная. Ножка отлетает, как спичка. Я скатываюсь, и сказать-то ничё не могу. Видать, заслужил все-таки. Петька уходит и захлопывает дверь, да так, что штукатурка обсыпается.

Я, естественно, трясу башкой и протираю шары. «Мерещится, что ли?! – думаю. – Может, ударился вчера об че, или крышняк просто сносит. С Димоном пивко пили, да, не спорю. Но было-то это с неделю назад, должно, типа, выветриться давно. Да и по банке-то одной всего вдарили. Что за ерунда тогда?»

Сижу я так на полу, как будто ай кью у меня ниже 10 и думаю, че дальше делать. Надо же что-то предпринимать. Одеваюсь я, значит, и выхожу из комнаты. Напротив меня – спальня брата и сестры. Ну я и стучусь к ним. «Мало ли, вдруг с сестрой тоже чё случилось. Надо, может, про-

верить», – подумал я.

– Войдите, – говорит Надя своим тоненьким голоском.

Я открываю дверь и смотрю на сестру. Она, вроде, нормальная с виду. Сидит на кровати, а напротив нее – Барсик. Он такой смиренный, как по струнке прям. Ни разу до этого не видел, что бы он так сидел.

– Доброе утро, – говорю я ей.

– Доброе утро, – отвечает она, даже не поглядев на меня. –

Смотри, что я могу.

Она начинает говорить коту всякую там ерунду, типа: «Дай лапу». Ну, он и дает. «Ну ладно, – думаю, – ничего такого. Дает лапу. И что?»

– Поворот!

Он поворачивается. «Ну да, неплохо. Выдрессировала, видать».

– Кувырок назад. Двойной.

И вот тут мои глазенки лезут наверх, да со скоростью света еще, потому что кот реально делает кувырок назад. При том действительно, двойной, двойнее некуда.

– Ну как, не плохо? – спрашивает она таким тоном, типа,

Барсик наш всегда так делать умел.

Я рукой, значит, челюсть прикрыл и стою ошеломленный.

– Мэммэммэ, – вот, что я ей ответил.

– Ты, видимо, еще не проснулся, – говорит она мне заботливым голосом.

А кот вдруг издает: «Мяу, мяу, мяу»

– Рыбки? – спрашивает Надя у кота, как будто ведет какую-то дружескую беседу. – Нет уж, сначала зарядка.

– Мяу, мяу, мяу.

– Ладно, ладно, не хнычь, – говорит она, как будто это вообще в порядке вещей.

Я резко закрываю дверь. «Померещится же такое», – думаю. Открываю дверь снова и тут же ее захлопываю, так как там стоит Барсик и делает зарядку. Реально, зарядку! То есть что-то, типа, задние лапы на ширине плеч, а передними махи в стороны. Seriously говорю. Я сам уже там подумал, что пора, видать, пить какие-нибудь таблетки. «Может, гамбургер вчера отравленный съел. Говорил же Димону, что грабли они свои не моют в этой забегаловке. Ладно, че уж там, разберусь, – решил я. – В первую очередь надо к маме. Ну, мама-то должна знать в чем дело. Сто пудов. Она ж, типа, взрослая и умная. Как пить дать знает, что со мной происходит».

Ну я и пошел ее искать. В комнате ее не было. «Значит, на кухне должна быть». Я и пошел туда. Захожу такой. Но, честно признаться, уж лучше бы не заходил.

В общем, захожу я на кухню, и поначалу все идет довольно-таки неплохо. Я просто стою и пытаюсь собраться с мыслями и сформулировать свои жалобы, а мама возле плиты что-то там жарит. Яичницу, как окажется впоследствии. Ну так вот, стою я, значит, и смотрю на нее, и тут – бац – из маминой прям спины вырастает две руки. Они протяги-

ваются к столу и начинают резать помидоры. Две настоящие руки! Представляете вообще? А мама, главное, спокойно себе стоит за плитой и продолжает жарить яичницу. Солью ее там посыпает, что ли. Я, короче, застыл и даж пошевелиться не могу. Прям 5д фильм какой-то, честное слово. И тут – бац – еще две руки вылезают из мамы моей и начинают мыть посуду. А она за плитой спокойненько так стоит, и как ни в чем не бывало, поворачивается ко мне, и говорит:

– Доброе утро, сынок. Как спалось?

– Я мэмнормап, – произношу я какую-то тарабарщину, потому что голосовые связки, видимо, отнялись у меня в тот момент. Да и мозг, вроде, тож отключился, потому что я не могу вспомнить, о чем я думал-то в тот момент.

– Видимо, не очень, – замечает она.

– Я ему также сказала, – говорит Надя. Она заходит на кухню, а за ней идет мой младший брат, а точнее, уже, по всей видимости, старший. Да так он еще идет, что аж стены сотрясаются.

И главное, такое чувство, что они как бы даже внимания не обращали на то, что там вообще происходило. Как будто это нормально, типа, ниче такого особенного.

– Мам, – выдавил я еле как из себя, – а у тебя, это, ну, как там... что с руками-то?

– У меня их теперь сколько хочешь, – ответила она мне, как будто даже с веселостью в голосе. – Правда, классно?

– Да, видимо, классно, – отвечаю я совершенно не осо-

знанно, а сам продолжаю во все глаза пялиться на ее руки.

– Женя, ты что, с луны свалился?! – говорит мне, типа, мой младший брат.

«Можь, стероидами перекололся? – думаю я, глядя на него. – Пятый класс называется. Машина смерти, да и только».

– Да не, Петь, он просто не выспался, – упрямо настаивает на своем Надя. – Барсик, лежать, лапки вверх.

Барсик сразу плюхается на пол и поднимает кверху лапы. Реально, я нисколько не шучу.

– Молодец, Барсик, – говорит она коту и накладывает уху в его миску. – Вот котик, кушай.

От всего увиденного мне че-т дурно становится. Я смотрю такой по сторонам, типа, какой-нибудь выход хочу найти из этой ненормальной ситуации. «Может я сплю», – думаю я в первую очередь. Щипаю себя, в надежде, что это как бы поможет. Понимаю, что не сплю. И тут я замечаю старый телек на холодильнике. Он у нас там сто лет, наверное, стоял, да никто, правда, его не смотрел вообще. Типа, всем башку тяжело было поднимать, да и пульт куда-то делся.

– Замор... Петь, включи телевизор, – говорю я брату так повелительно, как обычно это делал. Он же как бы всегда слушался меня.

– Ага, щас, сам включи, – отвечает он мне, да так дерзко, что аж холодок по спине пробегает.

Я, конечно, злюсь и сверлю взглядом его рожу, но потом

перевожу взгляд на его руки. Иду и включаю телевизор.

Включается второй канал. А по нему, вроде, чуть ли постоянно новости идут. «Как раз то, что мне надо», – говорю я себе. Хотя, меня всегда раздражал один тамошний диктор. Уж очень он картавый был, аж уши болели. А тут, значит, на экране он и был.

– Здравствуйте, дорогие зрители, – говорит он.

Я не поверил своим ушам, потому что они не услышали ни единого картавого звука. «Вот те на!» – думаю.

– К главной новости дня. Сегодня в 03—30 утра по Московскому времени, в 27 километрах от города Зурбинск (это, кстати, наше захалустье), упал метеорит. По предварительным данным метеорит имеет вес 75 кг, диаметр его 70 см. Он идеально круглый и блестящий (очень, наверное, важная информация). Ученые в данный момент очень тщательно его исследуют (показывают как мужики и тетки в белых халатах ходят вокруг камня). Но точно известно, что метеорит стал источником неизвестного излучения. Это излучение привело к тому, что у каждого человека на планете появились сверхспособности. Вот я, например, стал очень хорошо говорить, хотя раньше, конечно, тоже было неплохо. К тому же моя память стала в сто раз лучше: теперь я могу один раз взглянуть на страницу с текстом и сразу все запомнить.

Сказав все это, диктор засмеялся как-то по – идиотски.

– Извините, дорогие друзья, эмоции, сплошные эмоции.

А сейчас экстренный репортаж Зинаиды Бурмехино из города Нью-Йорк.

На экране появилась, значит, тетка такая, довольно симпатичная даже. Одета она была в какую-то ярко – оранжевую куртку, и стояла прямо перед камерой, и во все глаза тарасилась в нее, а в руках микрофон держала огромный.

– Здравствуйте, Зинаида, расскажите, пожалуйста, что там у вас происходит.

Но она молчала и не отвечала. Видать, не слышала его и продолжала просто тараситься в камеру.

– Зинаида! Вы нас слышите? – чуть ли не крича, сказал диктор.

– А, да, Дмитрий, здравствуйте, – она встрепенулась вся, будто вышла из оцепенения какого-то.

– Зинаида, расскажите, что у вас там происходит.

– Эй, осторожней ты! – недовольно вскрикнула репортерша, и задрала голову вверх, и посмотрела ввысь, как будто самолет ее, что ли, задел там. А потом мимо камеры две огромные ноги прошагали.

– Зинаида?

– Да, да, Дмитрий, извините, грубиян тут один. Ну так вот. Да. В Нью-Йорке сейчас такое происходит, словами не передать! Здесь весь вечер проходят гулянья, так же как и по всей стране, да и по всему миру тоже. Все люди вышли на улицы, они радуются, веселятся и потихоньку пробуют свои сверхспособности. Ну, что говорить, лучше посмотрите

сами.

И Зинаида эта отошла в сторону. Уж лучше бы я выключил телевизор, потому что увиденное повергло меня в глубочайший шок.

Я уже толком и не помню, что там показали по телику этому дурацкому. Одно могу сказать: там была огромная, большущая, стопроцентная дичь. Я точно помню, что по небоскрегам прыгали люди. Реально, прыгали с одного здания на другое. Представляете вообще? Огромные толпы народа прыгали туда и сюда. Другие летали и даже сталкивались друг с другом. Они, короче, врезались, падали, ругались и затем снова взлетали. Многие там еще ходили в какой-то странной одежде. Маскарад, может, у них там проходил. Много еще было зеленых, огромных теток и мужиков. А некоторые вообще носились, как угорелые, что даже и не разглядеть их было. Другие же просто кувыркались, плясали, пели и даже горели. Потом перед камерой неожиданно появился китаец какой-то мелкий, и что-то там счхенчхоньхал, помахал рукой, и тут же исчез. А потом вдруг в фонарный столб ударила молния, а в ответку кто-то лазерами стрельнул. Может мне показалось, но для всех это было, типа, в порядке вещей, что ли.

– Подумай, о чем думаешь, Дима, – неожиданно вернулась в кадр Зинаида Бурмехино. Она держала палец у виска и сосредоточенно так смотрела в камеру. – Я замужем вообще-то.

Как она это сказала, картинка сразу пропала резко, и снова появился Дмитрий.

– Ох, извините, уважаемые зрители, но связь с Нью-Йорком неожиданно прервалась, – сказал покрасневший, как рак, диктор, – мы попытаемся наладить связь, а пока – репортаж Марии Кулек из вечно прекрасного Парижа.

И почему же я не нажал на красную кнопку? Не щадил я свою детскую психику ни капли.

На экране опять появилась довольно-таки симпатичная тетка. Она чем-то походила на предыдущую репортершу, хоть у неё и была другая фамилия. Она также тарасилась прямо в экран, а позади нее была видна Эйфелевая башня. Но я не сразу понял, что это она, так как по ней как будто мураши какие-то ползали.

– Мария, здравствуйте.

– Здравствуйте, Дмитрий, – ответила она, улыбаясь. Она тоже, как и та, держала палец у виска. – Да, в субботу я смогу, мы обязательно куда-нибудь с вами сходим.

– Дадмарм, – что-то невнятно ответил растерявшийся Дмитрий, – хорошо... Мария, скажите, пожалуйста, как у вас там дела, ... что происходит в Париже?

– Ну, что я могу сказать Дмитрий. В Париже сейчас очень хорошо, как и всегда. Люди здесь очень приятные и дружелюбные. Да, власти города, кстати, позволили туристам самостоятельно взобраться на Эйфелеву башню, посмотрите.

«Вот что за мураши!» – понял я. Это толпа народу караб-

калась наверх.

– На улицах полно людей, горожан, туристов... Эй, смотри, Ваня, осторожно, сюда летит, горит! – закричала вдруг Мария, выпучив глаза.

Как только она это прокричала, на экране все закувыркалось, затряслось, и снова появился Дмитрий.

– Извините, уважаемые телезрители, связь с Парижем прервалась по техническим причинам. Так, а теперь к другим новос... – он запнулся, потому что ему кто-то начал что-то шептать.

Он сидел и кивал головой.

– Уважаемые телезрители, вот, в принципе, и все важные новости на сегодня, – продолжил Дмитрий. – Сейчас внизу экрана вы увидите номер телефона горячей линии. У вас есть возможность рассказать о своих сверхспособностях и попасть на субботний выпуск программы Игоря Махлыгина «Всем по сверхспособностям». Удачи дор...

Телек неожиданно отрубился. Я шмякнул по нему кулаком. Свет тоже, короче, погас.

– Че со светом такое? А, мам?

– Опять, наверное, дядя Валера электрическими полями пытается управлять.

– Ааа? – протянул я, как дурачок, – Че управлять?

Только я это сказал, так свет опять и зажегся.

– Он пытается переключать каналы, управляя электрическим полем.

– Чего? Мам, а че ты так спокойно говоришь-то, как будто это нормально?

– Да, сынок, нормально. А что ж нет? – говорит она невозмутимо. – Вот, ребята: яичница и салатик. Садитесь.

Ну, мы, короче, все и уселись.

– Петя, а ты руки иди вымой, – сказала она брату довольно строго.

Петя, значит, зыркнул на маму с таким явным недовольством и даж с презрением. Желваки у него набухли, мускулы задергались, но он повиновался в итоге. Бугай-то какой, а против мамы не попрешь.

Глава 2. Умные ученики, строгие учителя и Колбаскин.

Ну, в общем, пожрал я, собрался и пошел в школу. Хотя думал о том, что какой смысл идти-то туда, если у всех теперь сверхспособности. Но все, как ни странно, тож в школу топали.

Как я добрался до этой школы, рассказывать лучше не буду. Вспоминать даже не хочется. Могу только сказать, что наше маленькое, задрипанное захолустье превратилось в нечто непонятное. Я до сих пор не понимаю, как это все так быстро распространилось. Я не про излучение, а про людей в смысле. Типа инфекция или эпидемия какая-то. Прошло буквально пару часов, как шлепнулся этот метеорит, а они, как неадекватные все себя стали вести. На башню эту в Париже полезли с утра пораньше. Да и вообще, значит, залез я в ин-

тернет, перед тем как выходить, и за пять минут насмотрелся там такой невероятной дичи, честное слово. И главное, нормально это, типа, да? Никто ничего не предпринимает.

Ну так вот, дошел я до школы кое-как. Несколько раз меня чуть не подожгли, два раза чуть не заморозили. Ещё я вляпался в какую-то жидкость, что аж полподошвы разъело. Молния чуть в меня не вдарила. Ливень вдруг пошел, а потом сразу же прекратился. Железки какие-то сыпались повсюду, вещи летали. Ну, значит, добрался я в итоге до школы. Открываю дверь этого заведения, переступаю через его порог...

– Ай, ты наступил на меня, болван! – как заорет кто-то.

Прикиньте, мне кто-то орет, что я на него наступил, хотя рядом никого вообще нет. Я, значит, поднимаю ногу и смотрю на пол. Как у меня глаза не повылазили после таких потрясений, я не знаю. На полу стоял мураш какой-то. Я наклонился сильнее, смотрю – человек. Мелкий, правда, очень. Я даже узнал кто это – Колян из параллельного.

– Ааа, это ты, Женя! – говорит он и тут же вырастает. – Как жизнь?

– Эмамапав, нормально, а твоя?

– Зашибись, еще увидимся, – говорит он и снова уменьшается.

Пошел я такой, немного даж пошатываясь от потрясения, в раздевалку. Обычно в раздевалке, как у нас всё происходит? Зашел, привет, привет, переобулся, и пошел на урок.

А в тот день там столпился чуть ли не весь класс. Че они там собрались? А кто их разберет. Главное, болтали все без умолку.

Я протиснулся кое-как к своей вешалке, поздоровался там по пути с пацанами (несколько раз мне показалось, что руку они мою сломают). Увидел я кусочек свободного пространства, ну и шагнул туда...

– Эй, осторожно, Жень, не видишь, что я здесь! – говорит недовольно чей-то голос, очень похожий на Лизкин.

– Лиза? – спрашиваю я у пустоты.

– Да. А кто ж еще?! – отвечает она негативно очень и материализуется. – Ну вот, туплю мне испачкал, дурак.

– Сама такая, – говорю я ей.

– Нахал, – говорит она, и снова превращается в невидимку, и протискивается к двери, расталкивая всех на своем пути. Другим как будто даже все равно. Главное, нормально, да? Сама невидимкой превратилась, встала там, так я ещё, и виноватым остался в итоге, и нахалом, и дураком в придачу.

Короче, взял я сменку и переобуваться стал кое-как, потому что там все дико толкались. Руки еще притом как будто не слушались. Нервишки пошаливали.

Но вдруг прозвенел звонок, и вся толпа наружу понеслась, да так быстро, как кони, честное слово. Секунда прошла, не больше, и почти всех уже нет. А я в итоге стою ошеломленный на месте, как дурачина какой-то.

Выбежали, значит, все, кроме меня и группы девчонок, окруживших кого-то. Я подхожу к ним и вижу этого кого-то. Представьте мое удивление, потому что этим кем-то был Димон. Но его не узнать-то было толком. Прилизался весь таковой, духами от него за километр воняет. А девчонки стоят вокруг и слушают его очень внимательно. А он там какую-то чепуху про футбол рассказывает. Представляете? А главное-то, они вздыхают все, как будто перед ними Брэд Питт какой – то.

– Ленка, отойди-ка, – я слегка пихнул одноклассницу и вытянул из этого бабского круга своего, так называемого, друга. – Че вы стоите, вылупились на нас? Звонок прозвенел уже, идите!

Они как будто проснулись, заволновались все, схватили портфели с подоконника и побежали, как ужаленные в одно место.

– Димка, че с тобой? – спрашиваю у своего, типа, лучшего друга.

– А что не так? – отвечает он мне важным таким и высокомерным тоном.

– Че с голосом у тебя?

– Совершенно обычный у меня голос, – говорит он.

Я, естественно, начинаю терять терпение.

– О чем ты с ними разговаривал, а?

– Так, обо всем понемножку.

– А че они пялились на тебя так?

– Как?

– Как? Как? Втюрились как будто.

– Влюбились, ты хотел сказать? Так оно и есть.

– Че ты мелешь-то, а? Ты ж ссался всегда к девчонкам и близко подходить, а тут сразу влюбились, значит?

– Времена меняются, друг мой, и мы вместе с ними.

– Ты че обкурился, что ли? Бухал вчера, а? – говорю я ему и трясущу за плечо.

«Да нет, вроде, с виду нормальный», – подумал я и оглядел его всего с головы до ног.

Не фигу он не нормальный с виду был. Пиджак напялил, белую рубашку нацепил, идеально наглаженные брюки. А туфли, ёмаё, в них я увидел свою кирпичноподобную рожу.

– Ты че напялил-то на себя?

– Так одеваются истинные джентльмены, – отвечает мне человек, который в столовке скатывает шарики из хлеба и шпуляет их в одноклассников.

– Когда это ты вдруг им стал?

– Я всегда им был, внутри себя, – говорит он, и аккуратно так, чуть ли не нежно, убирает мою руку с плеча, и поправляет свой пижонский пиджак. – Пора на урок, Евгений. Надежда Ивановна будет весьма не довольна.

– Ага, Евгением меня только не называй.

Ну и мы, короче, пошли на этот урок. Идем такие по лестнице, не торопясь. Вроде, все нормально пока. Все уже

на уроках, правда, а мы нет. Но это – ничего. Поднимаемся на второй этаж, смотрю – лежит швабра. Вдруг она поднимается и начинает сама мыть пол. «Ладно, – думаю, – ничем уже не удивишь». Зря я так подумал. Потому что вдруг, прям перед нами, из воздуха, возник учитель по обществу. Я вскрикнул там, как маленькая девчонка. Seriously. А чё тут такого?

– Здравствуйте, ребята, – говорит он нам и пристраивается рядом.

Его каморка тож находилась на третьем этаже.

– Здравствуйте, Роберт Александрович, – говорит Димон, то бишь новоиспеченный джентльмен. Он, кстати, даже не шелохнулся при его внезапном появлении.

– Здмаса, – отвечаю я так, потому что у меня язык заплетается.

– Почему опаздываете? – спрашивает учитель, но как-то, типа, совсем уж не строго.

Я уже, значит, во всю там придумываю отмазки разные, начиная от проспал, заканчивая, что пробки были.

– Девушки, – говорит Димон, как ни в чем не бывало, и даже, типа, уверенно. – Дела сердешные, Роберт Александрович.

– Аааааа, ну тогда понятно, – говорит учитель по обществу и так понимающе качает головой. – Это очень хорошо. Молодцы, ребята. Ну ладно, мне направо. Счастливо, Дмитрий, – говорит он Димке и жмет ему руку.

«Нездоровые дела нынче творятся!» – думаю я про себя.

Ну вот, короче, мы подходим к двери, где сидит эта карга усатая. А обычно, как мы делали раньше в таких ситуациях: Димка стучался и открывал дверь, а я входил и начал оправдываться, нести там чушь всякую. Главное-то, почти всегда срабатывало. А тут мои бедные уши вдруг слышат уверенные такие слова только что родившегося джентльмена: «Евгений, предоставь это мне».

«Да я уж на все согласен, пожалуйста», – отвечаю про себя и пропускаю его вперед.

Димка, значит, стучится в дверь, типа, как к себе домой, и открывает её неторопливо. Мы заходим. Он такой важный стоит, как петух какой-то, а я согнулся весь, словно заморыш. В общем, как дурочок пришибленный там я выглядел.

– Здравствуйте, Надежда Ивановна, – говорит Димка слащавым таким голосом.

– Здравствуйте, – отвечает она злобно, но Димон и виду не подает.

– О, Вы чудесно выглядите сегодня! – говорит он, типа, восхищенно, да таким еще подхалимским голоском. – У Вас прическа новая? Вам очень идет.

Я, конечно, думаю, что можно уже идти и ждать на скамеечке следующего урока, или, мож, даже к директору отправят. Но не тут-то было. Одноклассники вообще, как будто и не заметили этого (хотя они любят угарнуть с кого-нибудь), а училка улыбнулась такая, волосы свои поправила.

– Спасибо, Дмитрий, всё-то Вы замечаете! – говорит она также слащаво, как и он.

Прикиньте, это она то, которая на прошлом уроке Димону влепила двойку за просто так, а потом ещё уничтожала его словесно и морально.

– Ну, проходите, садитесь, ребята, в ногах правды нет.

«Ничего себе, – думаю, – взбрэндили, что ли, все тут?»

Ну мы и пошли к самой последней парте. Я шел там и даже шатался, а Димка же вышагивал впереди, такой весь из себя, а все девчонки глядели на него с подобострастием каким-то нездоровым.

«Куда я попал?» – думаю.

А главное-то, что все смирно сидели, как на иголках прям. Обычно галдеж стоит, половина в телефоны играют, другие спят, а тут все сидят, молчат, даже шепота не слышать.

Ну мы, короче, садимся за свою парту.

– Продолжим, – говорит училка.

Я ее, конечно, не слушаю, пялюсь на своих одноклассников. Разглядываю их всех. «Да, с виду, вроде, нормальные», – думаю. Кроме только Игоря. Он почему-то вдруг накаченным стал и сидел в белой майке, тип, чтоб бицуха всем была видна. А у Наташки волосы, то розовые были, то синие, то еще какие-нибудь. А у Степки жабры как будто на шеи появились.

Минут десять, значит, мы слушали эту какую-то умную и очень важную для жизни фигню, а все остальные, кроме

меня, сидели ровно так, рука на руку, и слушали внимательно. Я аж обалдел.

– И так, все открываем тетради, – вдруг говорит училка и все сразу их резко открывают.

«Когда они стали такими послушными?» – удивленно думаю я.

– Перепишите таблицу из учебника на странице тридцать два.

Все сразу же начинают листать учебники и писать. Я сижу в непонятках. «Откуда такое рвение?» – спрашиваю я себя.

– Проскин, не горбись, – говорит она Степки, и тот сразу же прям, как доска становится, хотя всегда горбатым был, как верблюд.

«Что творится здесь? Когда её все стали так слушаться?»

Я тоже, значит, достал учебник, медленно так очень, не торопясь. Вырвал листочек из тетрадки по литре и начал писать эту ерунду.

Сидим мы, пишем (я, правда, только один столбик написал). И тут ко мне Стас поворачивается и просит ручку. Он часто у меня их просил.

– Что за разговоры, Здоровескин? – буквально чуть ли не кричит училка. – Почему отвлекаешь своего товарища? В угол, быстро, шагом марш.

Прикиньте. Вот так вот сразу. И Стас, главное, молниеносно подскакивает и идет в угол. Представьте себе! В угол. Как будто мы в началке, что ли, хотя и там даже ни разу тако-

го не было. А все остальные повернулись и смотрят на него. И вдруг он исчез, короче. Прямо не видно его было.

– Без маскировки, – говорит училка жестко так, – чтоб все видели твой позор!

Он, значит, снова появился, а сам чуть ли не плачет. Мне даже жалко его стало как-то. Не хотелось бы на его месте оказаться. Вот так вот ручки и проси у одноклассников.

– Всем писать, – приказала училка опять.

Все резко развернулись и начали строчить вовсю. Мне что-то уже не до этого было, даже как-то мутило чуть-чуть.

– И так, проверим, что вы запомнили, – сказала эта карга наконец. – Кто скажет, из каких отделов состоит позвоночник?

Одновременно взлетели все руки, кроме моей, конечно. Представьте, че там творилось! Вообще-то, обычно, максимум одна, там, две руки поднимаются, и то только с первых парт. А сейчас... Я просто сидел в глубочайшем шоке.

– Колбаскин! – раздаётся голос училки, прямо как гром среди ясного неба.

Колбаскин – это я. Да уж, согласитесь, что фамилия очень дурацкая. Я вообще сам как бы не понимаю, что мои предки там, колбасу, что ли, какую делали, или хавали её пачками целыми. А, может, еще че похуже было. Хорошо хоть не сосисьников какой-нибудь или свинок там, козляток.

Но делать, как говорится, было нечего, и я нехотя стал подниматься.

– По-быстрее, Колбаскин, – торопит она, но у меня как-будто тело отнялось и не слушается вообще.

– А почему я? Вон сколько рук. Спросите их, – говорю я, как обычно.

– Головой меньше вертеть надо, Колбаскин!

– Ладно. Повторите вопрос, пожалуйста, – прошу я, так как реально его забыл.

Тут в такой обстановке даже имя свое забыть можно.

– Отделы позвоночника, – говорит она.

– Мда, ааа, нууу, значит, отделы позвоночника, значит, есть шейный отдел. Да, нуу. У позвоночника... – говорю я это, а сам на Димку смотрю возгорающимся взглядом и толкаю парту. Но он специально, гад, не замечает этого и смотрит вперед, типа, непричем тут. «Что-то с ним не то творится, – думаю. – Раньше-то всегда подсказывал».

– Это все? – спрашивает меня училка таким ехидным, противным голосочком.

– Нет, еще есть у позвоночника... Дима, пс, пс, Димон.

Димка – гад, даже не шолохнулся. Ухом даж не повел.

– Так, если кто подскажет, пять двоек сразу! – говорит училка.

«Да по мне, и так ни кто не собирався подсказывать».

– Тань, пс, пс, Тань, – решил я попытать удачу с другой стороны.

Тут меня ждал очередной провал. Она даже еще хуже Димки оказалась. Вообще развернула свою башню в другую

сторону и фыркнула вдобавок ко всему. Представляете?

– Ладно, Колбаскин, два.

– Но я же... Но я же ответил.

– Вы сказали про шейный отдел, да? Этого как раз хватает на двойку. Принесите мне дневник.

Ну че, делать-то нечего. Беру я портфель. Ковыряюсь там. По всем отделам ищу, а дневника нет. Нигде его не было, как я не старался его найти.

Я такой смотрю на училку, прям ей в глаза, в надежде, а вдруг в ней сострадание проснется, а она говорит недовольно:

– Ну, Колбаскин, я жду. Где дневник?

– Дома забыл.

«Хорошо, что забыл, к лучшему», – так я подумал. Но тут вижу, как Ларик-очкарик руку тянет.

– Да, чего тебе, Ромбин? – нехотя спрашивает училка.

– Наде- Наде -Надежда Але – кса- кса- ндровна, я-я мом-мом-гу от-от-нести Же-Же-ню до-до-мой, за-за-за дн-дн...

– Ты можешь отнести Колбаскина домой за дневником? – не вытерпела она.

– Д-да!

Вот думаю, засада. Уж лучше бы он заикаться перестал, а то нет же – телепорт недоделанный.

– Хорошо, – говорит она, – отнеси его домой, но только быстро.

Ну и вот, он, короче, подошел ко мне и спрашивает меня

своим лагающим голосом:

– Куд-куд-куда от-от-не..?

«Ну че, делать, видать, нечего», – подумал я.

– Напротив кинотеатра, – говорю. – Я рядом там живу.

Он кивнул своей овальной башкой, ухватил меня своей липкой и холодной клешней за руку – хлоп – и мы уже стоим возле кинотеатра.

– Я-я-я те-те-бя где-где-сь по-по...

– Я понял, подождешь, хорошо, – говорю, лишь бы побыстрее от него отвязаться.

Да уж, хорошо, что дома никого не было, а тож люлей сразу б и отхватил.

Вернулись мы как раз под конец урока. Все че-т довольные были чересчур. Только я один злой, как собака. Отдал, значит, дневник этой карге. А она улыбается такая вся, сияет аж. Поставила мне двойку чуть ли не на всю страницу, а потом говорит такая, что б я старался, мол, потенциал у меня есть. Вот че сморозила мне. Оно мне надо: «Потенциал». За потенциал по головке не поглядят.

Думаете, на этом всё закончилось. Ага, щас. Вы бы видели, как мы из класса выходили. Построились, значит, по парам, чуть ли не за ручки взялись, и вышли все так друженько прям. Комедия стопроцентная, точно говорю. Я по сторонам-то смотрел, остальные классы также выходили. Форменные зомбаки. Ну ладно уже, фиг с ним.

Пошли мы потом на скамейках посидеть, как обычно это делали. Побазарить там с ребятами можно было и прочей ерундой помаятся. Идем, значит, такие, уже подходим к этим скамейкам, а Димон вдруг выдает мне:

– Ты иди пока, – говорит, – а я с дамами пообщаюсь.

Ну вы слышали? С дамами! «Вот дает», – думаю. А лицо-то, главное, у него умиротворенное такое было и, типа, довольное собой. Аж очень захватить хотелось разочек по этой морде напыщенной, а мож, и поболее.

– Ну и катись, – говорю я ему. А он хоть бы хны, даж никак не отреагировал.

Он ушел, а я там, как дурак, встал посреди коридора. Стою, короче, и не знаю, куда тут деться. Огляделся я по сторонам, и вижу, что вокруг творятся нездоровые дела, а всем как бы плевать вообще. Стоял я вот так, стоял, как истукан. Стоял, очумевал вовсю, и тут – бац – за руку меня схватила чья-то клешня, да так цепко ещё. Я аж там чуть до потолка не подскочил. Оборачиваюсь резко, смотрю – стоит девчонка прыщавая, в очках таких, с толстой оправой. Она из параллельного класса была, хорошо в учебе шарила, но я даже имени ее не знал. Ну, и я, короче, начал выдергивать свою руку, а она словно в тисках зажата.

– Ты че делаешь? – говорю.

– Не могу прочитать, – отвечает она, как какая-то помешанная.

– Че прочитать? – спрашиваю я и высвобождаю наконец

свою руку.

– Мысли и воспоминания, – говорит она так просто, типа, она всю жизнь этим занималась.

– А чей-то вдруг, ты должна их читать? – спрашиваю я скептически так очень.

– Потому что, это моя сверхспособность.

– Ну и че? Ха. Поверил я тебе. Тут в кого не ткни, у всех сверхспособность.

– Я знаю. Могу тебе доказать, что не вру.

– Ну давай, валяй, доказывай.

– Покажи мне, чьи мысли прочитаеть.

– Ладно, ну, вон, тот пацан, смазливый такой, среди кучи девчонок. О чем он думает? – я указываю на Димона.

– О футболе и о девушках.

«Ну ладно, в это я поверю», – сказал я себе.

– Ну ладно. А этот верзила, вон, который скачет по лестнице? – я указываю на своего младшего брата.

– О брате, которого хочет поколотить.

– Ладно, ладно, я тебе верю. А от меня тебе чё надо?

– Белую розу.

– Чё? Какую ещё розу?

– Белую, что б послезавтра ты мне её подарил.

– С чегой-то это вдруг?

– Лена сказала, – говорит она и указывает на девчину из одиннадцатого, которая сидела в окружении всяких-разных накрашенных девиц, – что если ты послезавтра утром,

в раздевалке, подаришь мне белую розу, то после уроков у нас будет свидание.

– Ого, – я скорчил, типа, изумленную гримасу, – А че, Лена эта, типа, будущие видит?

– Да.

– Ну а че, если я тебя сегодня позову на свидание, хотя я этого и не хочу или, скажем, завтра, или послезавтра, но без этой белой розы, то ты че, не согласишься, что ли?

– Нет, Лена сказала, что обязательно нужна белая роза и только послезавтра.

– И ты ей веришь, типа, прям на слово?

– Конечно, я прочла у нее мысли и все теперь знаю. Так что, подаришь мне розу?

– Ага, щас, разбежался. Давай, давай. Подарю, конечно, – съязвил я, махнул рукой и пошел от нее подальше.

«Вот дает, – думаю, – Белую розу я еще ей дарить должен. Ага, конечно. Мозги, что ли, от этих сверхспособностей у всех посворачивались?»

Ну а второй урок, короче, прошел ещё хуже первого. У нас была литра. Я ее терпеть не могу. Да и, вообще, кто её любит-то? Так вот, мы рассказывали стих. Оказывается, надо было его выучить, а я-то подумал, что просто прочитать. «Ну я ж калач-то тертый, вдоль и поперек», – так я сразу и подумал. Но училка эта оказалось еще свирепее, чем та предыдущая карга усатая. Никто даже пискнуть не смел.

«Что за сверхспособность такая у этих учителей?» – подумал я, глядя на своих смиренных одноклассников, которых вчера тока с урока выгоняли и к директору вызывали.

В общем, вскоре дошла очередь до Колбаскина. Ну я и пошел к доске. А обычно, как было? Мне с первой парты учебник повернут, а я и читаю стих потихоньку, типа, сам выучил. Там сидели обычно Ларик и Катька. Хоть они и странные, но ребята ничего так. Ну вот, значит, выхожу я к доске и подхожу к первой парте поближе.

– Кать, поверни, – говорю ей и пальцем так дергаю, типа, давай, давай, не медли.

А они такие вдвоем зыркают на меня, словно я какая-то макака в зоопарке. Только таблички с надписью и не хватает: Макакус Колбаскинус, родом из города Зурбинск, РФ.

– Поверните, пс, пс, – я тихонько псыкаю им.

Ноль реакции. «Вот гаденыши! – думаю. – Одноклассники еще называются».

– Что молчишь, Колбаскин?

– Вспоминаю, – говорю я спокойно, а сам уже в дикой панике.

– Название хоть помнишь? – издевается училка эта надо мной.

– Конечно. Пс, пс, Ларик, Ларик.

А у него лицо, словно камень, да и сердце, видать, тоже. «Всё, попал, – думаю. – Вот шлепанцы недоделанные».

– Ладно, Колбаскин, не мучай себя. Два тебе. Неси днев-

ник сюда.

– Пожалуйста, я сейчас посижу, повторю немного и расскажу.

– Нет, Колбаскин, четыре дня у тебя было. Давай дневник.

Прикиньте, что творят. Но это еще не все. Остальные как рассказывали, вы бы слышали. Я, честно, был в глубочайшем, беспробудном шоке. Вы представляете, Ванька, Ванька, этот юморист недоделанный, который и читать-то вслух не мог нормально, вышел и так рассказал, что сам автор этот, наверное, в гробу ему похлопал. Короче, все там получили 5 или 4 с плюсом, кроме меня, конечно. Что за жизнь-то такая?

Да, кстати, я еще одну двойку всхлопотал. Прикиньте. За то, что не смог проанализировать стих, который я не выучил. А знаете, кого спрашивали этот никчемный анализ? Колбаскина. Да. И только Колбаскина. Я ее, эту училку – сядовласку кривоносую, спрашиваю:

– А почему я опять отвечаю?

А она мне в ответ:

– Потому что у тебя нет сверхспособностей и ты – обычный, – вот, что она мне сказала, да так злобно еще.

– С чего вы это взяли? – спрашиваю ее.

– Все так говорят.

– Ну и ладно, да хоть бы и так. Но где здесь логика тогда вообще, в том, что я должен отвечать?

– Логика – не твое дело, – говорит. – Твое дело слушаться

и не пререкаться.

Во как! «Ох, и навешает мне батя люлей», – подумал я в тот момент с толикой такой огромной горечи.

Глава 3. Я тоже хочу сверхспособности.

На перемену, честно сказать, я уже побаивался выходить. Мало ли, что там со мной сделают ненормальные эти. Нас, короче, опять построили, и мы вышли, как на выгул.

В общем, я твердо решил провести время с пользой. «Может, у меня все-таки есть сверхспособность?» – так я подумал. И всю перемену я пытался читать мысли, быстро бегать, управлять током, уменьшаться, летать, становится невидимым, растягиваться, как жеваная жвачка. Потом я врезал в стену кулаком и чуть руку себе не сломал. Пробовал поднять скамейку одним пальцем, как мой брат. Пытался пускать из рук воду, огонь, передвигать предметы, лазать по стенам и еще кучу всякой ерунды.

Короче, ничего не вышло. В итоге я сел на скамейку и стал очень сильно грустить. Вскоре прозвенел звонок, и я поплелся на физру. Все, естественно, были уже в форме и занимались всякой ерундой в зале, пока физрук пил десятый чай за утро, а, может, и курил за школой или в окошко туалета.

Честно признаться, уж лучше бы я не ходил на эту физру, хотя мне, вообще-то, всегда она нравилась, потому что я здесь что-то, да умел. А тут я, значит, переоделся и зашел

в зал. Моя бедная челюсть опять стремительно отпала вниз. Че я там увидел, не описать просто так. Я вообще-то думал, что половина одноклассников будет сидеть на скамеечках, как обычно это бывает. Типа, они болеют или просто сачкуют. Остальные же мячик будут в кольцо бросать. А я раньше любил так подходить к ним и показывать, где раки зимуют. Я довольно неплохо в баскет умел бацать. Ну, в общем, так я рассуждал, пока не зашел в зал. Оказалось, что у всех вдруг проснулось желание заниматься спортом.

И первый, кого я увидел, был Артур. Мелкий такой шмакодявочник, метр с кепкой. Что он там такого делал? Ну, он, значит, взял мяч баскетбольный в руки, подошел к кольцу, и как сиганет (без разгона, без ни чего), сделает в воздухе целых пять оборотов вокруг себя, и плавненько так опустит мяч в корзину. Я округлил глаза, и смотрю на остальных, и думаю, что сейчас все скажут: «Вау, во дает!» или что-то такое. Но нет, все продолжали заниматься своими делами, как будто то, что сделал Артур, это в порядке вещей. Вторым, кто меня очень сильно поразил, так это Анька. Раньше она была деревяхой, что даже мостик не могла сделать. А тут она такие кульбиты вымачивала, чуть ли не впятеро складывалась, будто у неё вообще костей-то и не было.

Ну, кто еще там, че делал? Владос, значит, прыжкам занимался. Он просто прыгал до самого потолка, и все тут. Любка на скакалке скакала, наверное, со скоростью света или быстрее. Лерка и Машка сразу по двадцать обручей крути-

ли, и не только на животе, но, и на руках, и на ногах. Миха на идеальный шпагат садился и делал всякие сальтухи и кувырки в воздухе. А Нинка прыгала в длину из одного конца зала в другой. Там еще много типов было интересных всяких, но рассказывать лень, да и вспоминать не очень-то охота.

Ну вот, короче, стоял я там опять, как истукан, и смотрел на них, варяжку раззявив. Наконец заходит физрук (форменная горилла) и издает такой, типа, рык: «Построится, быстро». И в свисток свистит. И все, значит, кроме меня, пулей на линию побежали. А я иду такой, задумался че-то, встаю, как обычно на свое законное место в начале колонны.

– Колбаскин!!! – кричит во всю глотку физрук (он всегда почему-то орал, как ненормальный), – мы по росту строимся, топай давай в конец колонны.

Я такой: «Че?» – говорю про себя и смотрю на одноклассников своих. Приходится аж задрать голову вверх, чтобы увидеть их противные рожи. А они, главное, тоже зырят на меня и лыбы дают. Что ж делать? Пошел я, короче, в конец колонны, к Артуру этому. И главное, странно, почему-то он тоже вдруг выше стал, так что я вообще, последним остался.

– Так, щас бегать будете, – говорит физрук, – двенадцать кругов, а ты Колбаскин – три.

Я стою и не вдупляю: «Что ж я второклассница, что ли, какая или дохляк второсортный?»

– А почему мне три?

– Потому что, ты – обычный, – говорит он.

– Ну и что, я тож двенадцать могу пробежать.

– Можешь, но только медленно, а ребята быстро бегают.

«Что за бред!» – думаю.

– Но...

– Отставить разговоры, – говорит он, – бегом марш.

И они, короче, рванули, как звери какие-то. Я пробежал два круга в обычном своем темпе, а эти уже двенадцать отбегали, прикиньте. Стоят, главное, и цокают, типа, я их задерживаю. Я-то их раньше всегда ждал. Цокают, гаденыши, представьте себе, даже Ларик этот, который после первого круга с ног обычно валился.

Ну, пробежал я, значит, три круга, вообще даже не устал и не запыхался. Встал я в колонну, то есть в её конец, а физрук смотрит на меня, как на ничтожество какое-то.

– Иди посиди, – говорит, – я пока с нормальными спортсменами позанимаюсь.

«Это они-то спортсмены? Килька дохлая». Прикиньте, да. А на днях, значит, горилла эта звала меня на олимпиаду по физре.

– Я тож хочу позаниматься, – говорю. Конечно, я не против посидеть, но это не тот случай. – Чем я хуже?

– Ты обычный, – говорит, – Еще плохо станет. Иди посиди.

– А как же нормативы и все прочее? – спрашиваю у него.

– Поставлю, – говорит, – Не мозоль глаза, иди садись, отдохни.

Что делать-то? Пошел я в итоге на скамейки. Подхожу, а там Димон сидит и улыбается во всю рожу. Сел я, короче, рядом с ним.

– Че ты сидишь здесь? – спрашиваю я у него.

– Потеть, – говорит, – не хотел. Девушкам это не нравится.

– Ничесе ты неженка! – говорю. – А как ты физрука уломал-то?

– Ты хотел сказать: «Вежливо попросил». Я подарил ему чай и плитку шоколада.

– Че ты брешишь. Где ты их взять-то успел?

– Попросил Ниночку из одиннадцатого класса слетать в магазин.

«Ниночку, фу, вот дает». И главное, я сразу понял, что слетать – это как бы в прямом смысле, а не, типа, быстро сходить или сбегать.

– А ты чем, Евгений, занимался? – спрашивает он меня опять своим вычурным, противным голосом.

– Пытался сверхспособность у себя найти. Видать, нет её у меня.

– Жалко мне тебя, – говорит он сердобольный такой. – Если ты что-то хочешь узнать про свои сверхспособности, то тебе надо обязательно сходить к Татьяне Павловне.

– К кому, к кому? К физичке, что ли?

– Да, – говорит и рьяно так кивает башкой.

– И на фига?

– Ты хотел сказать: «Зачем»? Потому что она знает, какие сверхспособности есть у каждого человека.

– А ты к ней, че, ходил уже, что ли?

– Да, вот на этой перемене сходил.

– Ну, и какая у тебя способность?

Как я это спросил, лицо его сразу стало шибко заинтересованное и довольное, аж опять рубануть по нему захотелось.

– Обольстительность, обоятельность, обходительность, знаток футбола, ум, большая сила и еще несколько менее важных, – говорит он и загибает свои холенные пальцы.

Я сижу и пялюсь на него. Бабник, значит, умник, качок, футболист и еще какой-то.

– А не многовато ли? – спрашиваю.

– Нет, у многих еще больше.

– Ты че прикалываешься?

– Ты хотел сказать: «Шутишь»? Нет, я говорю серьезно.

– Мда, а мысли там читать или еще че в этом же роде, многие умеют?

– Если я не ошибаюсь, то да, многие.

– Летать тоже?

– Да.

– Предметами управлять?

– Да.

– Телепортироваться?

– Да.

– И все сильные теперь?

– Да.

«Ну зашибись!», – думаю. У всех по пять, десять, двадцать штук способностей, а у меня ни одной.

– Ну и че, когда я могу к физичке этой сходить?

– К Татьяне Павловне? К ней можешь прям сейчас идти.

– А ни че, что у нее урок?

– Нет. Она отменила все уроки на сегодня и проводит консультации по сверхспособностям.

«Точно мозги набекрень у всех посьезжали, – думаю. – Уроки вон уже отменяют».

– Ты че, серьезно?

– Да.

– А директор что? Ей по фиг, что ли?

– Ты хотел сказать: «Все равно». Нет, она сама разрешила и первая проконсультировалась.

Я полностью опупевал в тот момент времени. Что б наша-то деректриса, да и занятия отменила. Она уж лучше, наверное, жабу сожрет или тухлую рыбёху схавает. А тут на тебе.

– Ладно, Евгений, я отлучусь в уборную, – говорит мне Димон так официально, типа, собрание у нас здесь на скамеечках какое-то.

– Ага. Мог бы и не говорить. Иди давай, не промахнись там, суперметкий.

– Спасибо, Евгений, – говорит он серьезно так, типа, не за-

мечает, что я его подкалываю. – Удачи тебе в твоих начинаниях.

– Ага, и тебе не хворать.

Ну и пошел он к физруку. Подошел, значит, к нему, а тот че-т заулыбался сразу, обрадовался даже, руку ему пожал, по плечу похлопал, еще раз руку пожал. Потом еще махал Димке, когда тот уходил. «Что происходит в этом безумном мире?» – подумал я.

И вот, сижу я там один и размышляю: «Что мне реально идти к этой карге и спрашивать про эти дурацкие сверхспособности? А вдруг у меня их нет. Че делать тогда? Да нет, должно же что-то быть, раз у всех есть.

Короче, пока я там сидел на скамейке и напрягал мозги думами серьезными, мои однокласснички, которые до вчерашнего дня не могли гантелю пятикиллограммовую поднять, подтягивались. И что тут такого? Да ничего такого. Я со счета сбился, когда считал, сколько раз они подтянулись. А сбился я на ста двадцати пяти. Наверное, потому что мой мозг отключился. Вот так вот. А потом они стали отжиматься.

– Упали, отжались, двести раз, – крикнул физрук.

Я очумел от такой цифры. Это ж, типа, кем надо быть, что б столько раз отжиматься.

Одноклассники же, как услышали эту команду, так все с турников сразу, и поспрыгивали, и на пол упали. Но тут я думаю такой: «Фиг им, не смогут, после подтягиваний-то».

А нет, двести раз как миленькие, даже девчонки, прикиньте. Ну, а как они пресс делали, рассказывать лучше не стоит. Одно могу сказать: в тот момент моя самооценка упала ниже нуля, а то и намного ниже.

Потом они начали в баскет играть, в основном, пацаны. А девчонки пошли, типа, отдыхать. Ну и одна – Катька, села рядом со мной и по плечу меня похлопала, тип, приободрила. Да так она похлопала, что ключица моя чуть не рассыпалась.

– Не переживай, – говорит она, – обычным тоже неплохо быть.

– А чей-то ты так уверена, что я обычный? – спрашиваю ее раздраженно.

– Все так говорят.

– Кто это все?

– Да все, кого не спроси.

– Ааа, ну ясно-понятно.

– Да ты не обижайся, – говорит.

– Я не обижаюсь.

– Да прям, я же вижу, с каким грустным личиком сидишь, только слезок и не хватает.

– Ага. Конечно. Чушь не городи.

– Не стоит завидовать. Ты что не знаешь? Большая сила – большая ответственность.

Прикиньте, че сморозила. Ну и муть голимая. Типа, у нее ответственность какая-то там. «Кем себя возомнила-то?» –

думаю.

– Кать, что-то ты ерунду городишь, – так прямо и высказываю в ее наглое, хоть и красивое лицо, а ей хоть бы что. Сидит она и продолжает на меня смотреть, главное, еще жалостливо так, будто я какая-то собачонка хромая.

– Ничего, все образуется, и на твоей улице будет праздник, – сказала она какую-то очередную чушь и похлопала меня по спине, типа, опять приободрила. Чуть ребра, короче, все мне не переломала. А потом пошла обручи свои крутить. Сто штук или больше.

После этого дурацкого разговора я понял, что надо все-таки сходить к физичке и всё выяснить самому. Но сначала надо было отпроситься у физрука.

Встаю я, значит, и иду к этому шкафоподобному физруку, а он сидит на стуле: свисток в зубах и кружка чая в руке. У него вообще-то фиг когда отпросишься, сварливый такой мужик. Подхожу я, короче, к нему и говорю:

– Борис Алексеевич, можно мне к Татьяне Павловне сходить?

Он же сразу, как услшал это, резко подскакивает такой и глаза на меня выпучивает. Но стоит заметить, что чай он не ни капли не раплескал, хоть и кружка у него почти полная была.

– Конечно, Колбаскин, хочешь узнать про свои сверхспособности? – спрашивает меня. – Но у тебя ж их нет!

– Почему вы так уверены?

– Все так говорят.

– Ага, слышал уже. Ну, так мне можно идти или нет?

– Да, иди, конечно. Хотя стой, подожди. Ребят, Колбаскин уходит! – кричит он этим заморышам-переросткам, и они все к нам бегут. – Он идет к Татьяне Павловне узнать про свои сверхспособности.

– Так он же обычный! – выкрикивает Сашка.

– Нет, может у него все-таки есть какая-нибудь маленькая, малюсенькая, малипусенькая способность, – говорит Катька.

– Да не, вряд ли, – говорит Степка.

– Ага, в носу ковыряться, что б другие не видели, – говорит Ванька и ржет, как конь педальный. Вот же скотина шелудивая.

Все тоже гогочут. Гиены форменные, одним словом.

– Ну, иди уже! – влазит своим противным, скрипучим голоском Янка.

– Может тебя донести? – говорит Ванька. «Вот удот!» – А то устанешь по дороге?

– Идите вы... – говорю я раздосадованно.

Меня это, короче, что-то шибко разозлило, и я развернулся, и резко вышел из спортзала, и пошел в раздевалку. Иду, главное, и слышу, как они там радуются. Мне, вроде, даже показалось, что кто-то сказал: «Наконец-то он ушел!». Вот и называй их одноклассниками после этого.

Глава 4. Поехавшая физичка.

Подошел я, значит, к кабинету физики. Всегда меня тошнило от этого помещения. Там вечно почему-то холодно, тоскливо и ничего непонятно. Понять эту физику вообще не реально, скажу я вам честно. Ладно, подхожу я к нему, а там очередь. Прикидываете? Очередь. Больница, что ли, какая? Пять человек – шмакадявки все мелкие. «А учится, когда они будут? Куда учителя-то вообще смотрят?» – думаю я про себя и становлюсь в конец очереди. И тут же я слышу, как одна мелкая спрашивает шепотом у другой:

– Это он, да?

– Да, – говорит другая, – не тыкай пальцем.

И вся эта мелочь начинает посмеиваться. Серьезно, стоят и посмеиваются. Шепчутся еще. Совести вообще нет. Мелкие девчонки называется. Я, конечно, делаю вид, что не обращаю внимания. Буду еще с мелкотой всякой связываться.

Тут вдруг дверь кабинета открывается, и оттуда выбегает мелкий пацан, шпендель такой, и кричит во всю глотку:

– Урааа! Я могу иголками пуляться!

И как начнет руками махать, и повсюду иголки летят, во все стороны. А девчонка одна сразу силовое поле выставила и закрыла всех, кроме меня, естественно. И мне одна иголка прям в шею впилась.

– Ай, ты че творишь? – говорю я ему и достую иголку. Она на иголу кактуса чем-то была похожа, сантиметра два длиной.

Знаете, что дальше было? Этот мелкий засранец смотрит на меня, да так с ухмылочкой ещё, и говорит:

– А, это ты, обычный. Не парься, до свадьбы заживет.

Прикинте, че сказал. Какой на фиг свадьбы. Мне б до нее хоть дожить, а в такой обстановке это вообще маловероятно.

Че-т, короче, меня эта ситуация вывела из себя в конец. Я просто взял и пошел к двери напролом. «Буду ещё – думаю, – ждать этих невоспитанных шмакодявок». Я думал, вообще-то, что они как бы вякать начнут, а они поодскакивали все в разные стороны, будто я заразный какой-то. Ладно, мне-то и лучше.

Ну я и зашел в кабинет, и захлопнул за собой дверь. Зашел, я, значит, туда и не вижу ничего. Темень там какая-то стоит. Только портреты этих умников – ученых в рамках светятся.

– Проходи, Колбаскин, – говорит физичка таким странным голосом, типа, с эхом еще каким-то.

– Куда? Я ничего не вижу, – говорю.

– А, извини, я забыла, что ты в темноте не видишь, – сказала она и хлопнула в ладоши. Сразу зажглись какие-то лампы, типа, масляные, что ли.

«Че тут устроила?» – думаю.

Я подошел к её столу и сел рядом на стул. А на столе, значит, у неё вообще какой-то бардак был. Палочки какие-то дымящиеся стояли. Воняло от них жутко. И еще какие-то фигурки странные были, и трава сухая лежала. То есть, вооб-

ще че-т нездоровое там творилось, в этом и так ненормальном кабинете.

– Зачем пришел? – спрашивает она меня своим эховитым голосом и сверкает глазенками.

– Хочу узнать если у меня сверхспособность...

– Нет, ты – обычный! – говорит она резко, не успел я даже вопрос закончить.

– Вы уверены?

– Да. Как ты посмел сомневаться в моих способностях? – сказала она громко, и у нее, типа, глаза ещё красными вдруг стали.

– Да не сомневаюсь я, просто уточняю, – отвечаю ей успокоительным тоном, а то мало ли, что эта поехавшая физичка может тут сделать со мной.

– Ладно, ладно, – говорит она и сразу обхватывает мою бошку рукой.

Держала она меня так, наверное, с минуту. А потом, значит, клешню свою опустила резко, и ещё как бы обессиленно так. Как макоронина, короче, она у неё болталась.

– Нет, я ничего не чувствую, а мои способности не действуют только на обычных.

– В смысле не действуют? – спрашиваю я.

Она посмотрела на меня, как на тупицу, и цыкнула ещё.

– Скажи, ты не замечал, что люди не могут твои мысли читать, видеть твое прошлое и вообще не могут на твой разум воздействовать?

– Ну да, вроде. Но меня ж телепортировал сегодня одноклассник?

– Это другое, – говорит.

Я сижу и дыню свою чешу.

– Что я, типа, как та девчонка с вампирами? – спросил я и усмехнулся по-дурацки.

– Не понимаю о чем ты.

– Ладно, ладно, ни о чем. Так что мне делать?

– Не знаю.

– А я могу как-нибудь получить сверхспособность?

– Не знаю.

Ну я, в общем, почувствовал, что разговаривать дальше бесполезно, да и физичка че-т без настроения стала.

– Ладно, – говорю, – я пошел. Спасибо.

– Не за что, Колбаскин, – сказала она и тяжело вздохнула.

Вот тут-то она была права, действительно, не за что.

Вышел я, значит, оттуда, и звонок прозвенел. Урок закончился. А шмакодявочки эти стоят до сих пор и лупят на меня своими глазенками мелкими.

– Ну, что? – спрашивает одна из них, самая, видать, противная. – Обычный ты, да?

Я прошел мимо них и даже взглядом не удостоил. Буду еще с ними связываться. Мелкие какими-то ушлыми стали вообще. Наглые такие.

Глава 5. Обычные не одиноки.

Ну вот, значит, иду я по лестнице вниз и думаю: «Пожрать хоть надо, что ли. А то нервы эти, аж жрать хочется, как собаке. Может, хоть в столовке поспокойнее будет».

Короче, прошел я опять через весь этот хаус, который творился там в школе, и в итоге подошел к столовке. «Большая перемена все-таки, – думаю, – столовка должна быть битком забита». Зашел я внутрь, а там пусто оказалось, как и у меня в желудке. Только один стол вдалеке и стоял. За ним каких-то два жирных чувака точили булки вовсю. Ну я к ним и подошел.

– Здравов, пацаны. А че никого нет? – спрашиваю у этих желудков ходячих.

– Есть никто не хочет, – отвечает мне один их них.

Другой даже не посмотрел на меня, а только продолжал усиленно жрать, как будто у него отберут эти булки.

– Почему? – спрашиваю я и сажусь рядом.

– А ты че, – он откусывает полпиццы и жамкает её, – не знаешь? У всех теперь такой метаболизм: хочешь – ешь, хочешь – нет.

– Ты прикалываешься, что ли?

– Нет, – говорит и закидывает в топку остаток пиццы.

– А вы че здесь тогда сидите?

– У нас сверхспособность такая – есть сколько хочешь.

«Ну и сверхспособность, – думаю. – Этим лишь бы по-жрать».

– А вы там булки-то еще оставили в буфете? – спрашиваю

его, хотя и догадываюсь, что он мне ответит.

– Нет. Все забрали. Да, ты бери, угощайся, – говорит он мне любезно так.

– Ладно, – говорю я и беру первую попавшуюся булку с вершины этой мучной горы. Пирожок с повидлом. Мой любимый.

– Спасибо.

– На здоровье.

Сидим мы, хаваем, короче. Он мне даже стакан чая пододвинул, тип, чтоб не в сухомятку. Заботливый, видишь ли, такой. А тот другой даже голову ни разу не поднял, жрет и жрет без продыху.

– Так ты че, реально, обычный? – спрашивает он меня и закидывает сосиску в тесте целиком себе в пасть.

«Откуда они все это знают?» – спрашиваю у себя.

– Да. Ну и че? – говорю я недовольно.

– Да ни че. Тяжело, наверное, так жить?

Офигеть, да? Как будто они уже всю жизнь с этими сверхспособностями дурацкими. А эти-то вообще жрать только и умеют.

– Да нет, – говорю, – нормально. Всегда так жил и дальше буду жить.

– Да прям?! – говорит и забрасывает кекс к себе в глотку. Я же пока только пол-пирожка успел съесть. – Неужели не хочешь сверхспособности, как у всех?

– Зачем? – говорю, – Мне и так нормально. Буду я еще

всякой ерундой заниматься.

– Да ну, – говорит, – скучно же.

– А че скучно? Говорю ж, нормально мне и не скучно.

– Ну не знаю, всем охота быть особенным.

– Булочки тоннами жрать – это, что особенность такая, что ли?! – чуть ли не кричу я. – Все сверхспособные, а продолжаете ерунду всякую делать.

– Да что ты? – говорит он мне так спокойно, что аж раздражает еще больше. – Не злись по пустякам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.